
ЛОГИКА И АРГУМЕНТАЦИЯ

С. С. Гусев

ПАРАДИГМЫ ЛОГИКИ

Аннотация: В статье обсуждается процесс взаимодействия двух основных программ логического исследования — «аналитической» и «функциональной». Выделяются характеристики «логических парадигм» разного типа, обусловленных периодическим доминированием одной из указанных программ.

Ключевые слова: коммуникативные действия; «смысл» и «значение» языковых выражений; рассуждение; речевые акты.

Abstract: The article is dedicated to the process of interaction of two main programs of logical research — «analytical» and «functional». The characteristics of different types of logical paradigms which are determined by periodical domination of one of these programs are discussed.

Keywords: communicative actions, Sense and Meaning of linguistic expressions, discourse, verbal acts.

Логика, изначально мыслимая как некий единый комплекс постановки проблем и способов их решения, сегодня представляет собой весьма неоднородную структуру. В самом деле, в состав этого комплекса входят различные частные системы, связанные с выявлением и анализом всевозможных уровней языковой деятельности. Сегодня даже принято различать такие типы логики, как «классическая» и «неклассическая», в свою очередь, включающие в себя множество разных исследовательских программ. Кроме того, многие авторы выделяют и так называемую «металогика», иногда определяемую как «философская логика»¹. Различие этих типов логического исследования обычно связывают с тем, что предметом изучения *символической логики* является устройство языковых систем, тогда как для *логики философской* характерно внимание к тому, как эти системы используются для получения новых знаний. Один подход можно характеризовать как «аналитический», другой как «функциональный». На первый взгляд эти исследовательские программы существенно отличаются друг от друга и не могут реализовываться одновременно. Тем не менее такие ориентации иссле-

¹ См.: Павлов К. А. На подступах к понятию логики // Вопросы философии. 2009. № 8; Шуман А. Философская логика: истоки и эволюция. М., 2001.

© С. С. Гусев, 2013

ЛОГИКА И АРГУМЕНТАЦИЯ

довательского поиска взаимодействуют между собой так, что какая-то из них может временно доминировать, но при этом не вызывать обязательного отказа от другой. Преимущественное влияние какого-то из этих подходов играет роль своеобразной «логической парадигмы».

В истории конкретных наук смена парадигм связана с кардинальной перестройкой основных понятий и методов, с изменением всей системы представлений об основных принципах мирового устройства, что квалифицируется обычно как «научная революция». В логике переход от одной программы к другой осуществляется без столь резких скачков. Сосуществование элементов «аналитического» и «функционального» подходов можно обнаружить уже в самых ранних вариантах философских теорий, в которых происходило становление собственно логической тематики. Поскольку поначалу внимание древних мыслителей было направлено на конкретную практику межчеловеческого общения, постольку преимущественное значение получил функциональный подход. Но постепенно растущая абстрактность формальных моделей, конструируемых с помощью логических методов, обусловила преимущественное значение аналитического подхода. Развитие логического знания стало рассматриваться в качестве процесса, функционирование которого не контролируется полностью человеческим сознанием и регулируется объективными универсальными законами. Долгое время формализация выражений, используемых в различных коммуникативных процессах, представлялась главным средством, с помощью которого удалось бы избавиться от неопределенностей, которыми изобилует естественный язык. Действительно, в нем слишком много предпосылок, которые далеко не всегда осознаются. Логические методы должны способствовать их выявлению и экспликации².

Однако понимание того, что люди используют языковые средства, исходя из своих потребностей и целей (не раз менявшихся на протяжении человеческой истории), способствовало сохранению внимания не только к формальной, но и к содержательной стороне интеллектуальных действий. Уже в античной греческой культуре, лежащей в основе научного познания, в том числе и познания логического, различались, например, такие понятия, как «докса», «эпистеме» и «техне», различным образом характеризующие человеческие знания. Первое понятие выражало множество различных мнений о действительности, второе характеризовало умение человека рассуждать, и, наконец, третье означало умение практически действовать. Связь этих понятий выражала стремление людей превращать частные мнения в коллективное умение решать практические задачи, возникающие в их повседневной жизни. И такое превращение достигалось посредством *рассуждения*, позволяющего во множестве субъективных мнений выявлять общее для разных людей «истинное» знание. Поэтому изучение разнообразных способов рассуждения и отбор наиболее эффективных из них осознавались в качестве одной из определяющих форм интеллектуальной деятельности.

Правильное рассуждение позволяло устанавливать «законы» устройства и функционирования мировых реалий. Но древние мыслители отличали законы, предписываемые богами («теомос»), от законов, устанавливаемых людьми («номос»). Первые

² См.: Войшвилло Е. К. Символическая логика. Классическая и релевантная. М., 1989. С. 4–5.

определяли функционирование мира в целом, вторые регулировали жизненное поведение людей. Божественные законы не были представлены в письменной форме, тогда как человеческие обязательно записывались³. И становление логики определялось прежде всего вниманием мыслителей к формам и способам подобных записей. Таким образом, древняя логика изначально была ориентирована на изучение устойчивых форм языковой деятельности, посредством которой осуществлялись всевозможные рассуждения.

Различие способов рассуждения поначалу обуславливалось особенностями тех сфер социальной практики, в которых они использовались, а также специфическими характеристиками интеллектуальных традиций, возникающих в разных системах культуры. Так, на Древнем Востоке практика рассуждений была связана с необходимостью толкования священных текстов, тогда как в западной культуре доминировала потребность надежным образом обосновывать правила, регулирующие жизнедеятельность общества. В одном случае требовалось выявить критерии, позволяющие определить, какое из толкований наиболее полно выражает суть интерпретируемого текста, в другом — было необходимо доказывать правомерность выбора одной из предлагаемых программ действий. Важно, однако, отметить, что и там и там внимание мыслителей было направлено на устройство текстов, с которыми они имели дело, и текстов новых, возникающих в результате осуществляемых ими рассуждений. По сути в обоих случаях речь шла о способности доказать преимущества одного способа рассуждений над другими.

При этом следует обращать внимание на то, что характер доказательства в традициях восточной культуры существенно отличался от приемов, используемых в культуре Запада. Многие логические системы древней Индии, например, опирались на авторитетные свидетельства и потому не предполагали для проверки своей правомерности обязательного обращения к каким-то внешним фактам. При этом существенное значение имело различие «понимания» источника и «доверия» к его автору⁴. Подобный способ доказательства использовался и в арабской культуре и достаточно долгое время принимался в качестве основного метода логической аргументации. В западной же культуре доказательство принималось лишь тогда, когда приводились достаточно наглядные примеры из окружающей человека реальности. Своеобразный вариант подобной традиции встречается и в такой логической школе древней Индии, как логика навья-ньяя. Правда, ссылка на факты действительности здесь выполняла в большей степени иллюстративную функцию, тогда как сама процедура логического вывода понималась как «проникновение» нового (выводимого) знания в старое. В соответствии с этим доказываемый тезис воспринимался как «нечто возможное» и сам процесс доказательства строился с помощью таких различающихся приемов, как «утверждение» и «приписывание»⁵. Приписывание (простое соотношение предиката

³ Степанов Ю. С. «Закон» и «Антиномия» в гуманитарных науках. От Декарта до Флоренского // А. Ф. Лосев и культура XX века. М., 1991.

⁴ Чокробарти Ориндом. Мне сказал знаток, поэтому я знаю // Знание и вера в контексте диалога культур. М., 2008. С. 235–236.

⁵ Инголис Д. Г. Х. Введение в логику навья-ньяя. М., 1975. С. 35–37.

с субъектом) в определенном смысле можно понимать как редуцированную форму ссылки на какой-то авторитет.

Своеобразие восточных логик проявляется и в отношении их авторов к проблеме противоречия. Хорошо известно, что в коммуникативной практике многих индийских, японских и китайских философских школ большую роль играло одновременное использование противоречащих друг другу утверждений (коан). С точки зрения древних мудрецов коаны свидетельствовали о том, что изначальная глубинная реальность не может описываться средствами естественного языка. Поэтому различные способы восприятия окружающего мира и его описания равно возможны, даже если при этом несовместимы друг с другом. В связи с этим диспуты восточных мудрецов, принадлежавших к разным философским направлениям, не могли вести к выявлению победителя, поскольку изначально признавалось, что никто из них не мог говорить о фундаментальных характеристиках мира исчерпывающим образом. Всегда существовала возможность нахождения новой точки зрения, соединяющей существующие противоположности и порождающая новые противоречия⁶.

Такая позиция существенно отличается от логических школ, разрабатываемых западными мыслителями. В частности, дискуссии между греческими философами обязательно предполагали опровержение и устранение одной из противоречащих друг другу точек зрения. Для европейских мыслителей многообразие возможных утверждений о реальности свидетельствовало не столько о невозможности описывать мир, сколько о неспособности людей делать это. Поэтому возникла необходимость создания такой системы правил рассуждения, которая позволила бы избежать всяких неопределенностей, обнаруживаемых в обыденном языке. Для этого необходимо было избавиться от жесткой привязки используемых утверждений к конкретным обстоятельствам обсуждаемых ситуаций. И Аристотель первым сумел добиться этого, отделив форму рассуждений от их содержания. Тем самым была поставлена задача выявления универсальных схем, по которым может строиться любое рассуждение, приводящее к правильным результатам при соблюдении соответствующих условий. С решением этой задачи связано становление классической логики в ее современном понимании.

Европейские логики старались выявить наиболее общие формы мирового устройства (проявляющиеся в виде «законов природы», определяющих направленность и характер человеческих действий) и соотносить с ними схемы мыслительных процедур. Знаменитый тезис Ф. Бэкона «знание-сила» выражал представление о важности реального соответствия человеческих представлений о мире действительным характеристикам этого мира. Английский философ в законах природы видел проявление скрытых сущностей (форм), не обнаруживающих себя во всей полноте прямо и непосредственно. Эффективное описание таких проявлений требовало вместо неопределенных утверждений прежней философии использовать такие языковые средства, которые выражали бы опыт конкретного взаимодействия человека с природной

⁶ См.: Базаров А. А. Институт философского диспута в тибетском буддизме. СПб., 1998; Бескова И. А. Природа двойственности // Противоположности и парадоксы. М., 2008. С. 44–51.

реальностью и обеспечивали конструирование универсальных схем, опирающихся на опыт, а не на произвольные предположения тех или иных авторов. Поэтому именно индуктивное обобщение непосредственных результатов эмпирических действий он считал главным и надежным основанием знаний, производимых человеком.

Несмотря на отрицательное отношение создателя программы эмпиризма к традиционной силлогистике (выражавшее, впрочем, не столько неприятие идей самого Аристотеля, сколько сомнение в правомерности использования его метода рассуждения схоластами) новая философия сохраняла интерес к анализу языка, посредством которого фиксировались результаты познавательной деятельности. Особенно наглядно это проявилось в работах такого последователя Ф. Бэкона, как Дж. Локк. Противопоставив умозрительным концепциям познания схоластики и картезианства теорию, базирующуюся на эмпирической основе, Локк пристальное внимание уделял тем формам, в которых чувственный опыт отдельных индивидов мог приобретать значение коллективного знания. В связи с этим он обращал внимание на роль языковой деятельности в процессах межлического общения. Данная тема оказалась для Локка настолько важной, что ее обсуждению он целиком посвятил всю третью книгу своего сочинения «Опыт о человеческом разумении».

В этой книге английский философ обосновывал положение о том, что между идеями, возникающими в мыслительной сфере человека, и словами, используемыми людьми в различных коммуникативных актах, существует тесная связь. Слова он определял как «внешние знаки внутренних идей»⁷. С его точки зрения язык является главным средством, с помощью которого люди обмениваются между собой идеями и знаниями, а потому, считал он, чрезвычайно важно точно определять значения употребляемых слов. Осознавая, что языковые средства, используемые в разных ситуациях, часто существенным образом отличаются друг от друга, Локк предлагал создать некий «общий язык», все слова которого были бы однозначно увязаны как с частными, так и с общими идеями, возникающими в мыслительной сфере разных людей. В связи с этим он наметил целый ряд условий, соблюдение которых обеспечивало бы достижение согласия людей, вступающих во взаимодействие.

Первое требование заключалось в том, что никакие слова не должны употребляться вне связи с какими-то идеями. Пустые, не указывающие ни на какое мыслительное содержание слова порождают всевозможные ошибочные мнения и затрудняют взаимопонимание людей. Это положение в определенной степени может рассматриваться как развитие программы Ф. Бэкона, направленной на борьбу с «идолами». *Во-вторых*, Локк требовал четко разграничивать идеи, связанные с каждым конкретным словом, что также способствовало бы устранению языковых неопределенностей и препятствовало возникновению ложного понимания. *Третье требование* выражало необходимость точного употребления используемых слов, т. е. установления однозначной связи слова с достаточно явно определенной идеей⁸. По сути дела, Локк во многом предвосхитил программу действий, которую много позже пытались реализо-

⁷ Локк Дж. Соч.: в 3 т. Т. I. М., 1985. С. 208.

⁸ Там же. С. 570–572.

вать представители логического позитивизма. *Смена исследовательских ориентаций в логике на протяжении XVII и XVIII вв. свидетельствовала о переходе от попыток выделить наиболее эффективные способы рассуждения к изучению языковых форм, посредством которых эти рассуждения были представлены.*

Существенный вклад в решение подобной задачи внесли Г. Лейбниц и И. Кант. Лейбниц одной из главных задач своей философской системы считал создание некоего «языка ученых», свободного от всех внешних воздействий, порождающих непрерывные изменения «живых» языков. Такой язык, полагал он, играл бы роль «философской грамматики» и обеспечивал надежное взаимопонимание людей. Поначалу в качестве эталона «всеобщего» языка он рассматривал древнюю латынь. Однако впоследствии пришел к мнению о необходимости ориентироваться на образцы математического языка. В письме герцогу Ганноверскому Лейбниц выдвинул идею сведения всех человеческих рассуждений к «некоторому виду исчисления, которое служило бы для установления истины»⁹. Как известно, подобную программу позднее пытались реализовать представители «логического позитивизма». Получив много важных и интересных технических результатов в логике, они не смогли все же полностью осуществить задуманное.

В отличие от Лейбница Кант не обращался прямо и непосредственно именно к анализу языковых средств организации человеческих знаний. Как известно, немецкий философ намеревался выявить основные структуры мышления, однако его соображения о различных типах суждений свидетельствуют о признании глубинной связи между формами мыслительных актов и объективирующих их языковых средств. Как известно, Кант разделял «эмпирическую» (прикладную) логику и логику «трансцендентальную». Если первая, по его представлениям, задавала правила применения общих форм рассуждения к «предметам определенного рода», то вторая как раз определяла эти формы, выражая универсальные правила мышления¹⁰. Можно предположить, что, указывая на специфические различия двух видов логики, немецкий философ размышлял над возможностью использования устоявшихся стандартных языковых «клише» для выражения знаний, полученных из эмпирического опыта¹¹.

Кант не раз отмечал, что содержанием трансцендентальной логики являются универсальные формы, не связанные ни с каким конкретным содержанием, и именно в них видел фундаментальную основу интеллектуальной деятельности. Однако его стремление видеть в языке лишь некую абстрактную структуру не было реализовано максимально полным образом. Выделение аналитических и синтетических суждений свидетельствовало об определенной привязке мыслительной деятельности людей хотя бы к какому-то содержанию реального чувственного опыта. Формальным условием чувственности Кант считал схему рассудочного понятия и настаивал на том, что при всем различии «образа» и «понятия» между ними существует определенная связь¹². Такая связь обусловлена тем, что оба основных «ствола» человеческого по-

⁹ Лейбниц Г. Соч.: в 4 т. Т. 3. М., 1984. С. 491.

¹⁰ Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 3. С. 155.

¹¹ См., напр.: Там же. С. 216–217.

¹² Там же. С. 222.

знания (чувственность и рассудок) вырастают из одного «общего, хотя и неизвестного нам корня». Знаменитая формула «мысли без созерцания пусты, созерцания без понятия слепы», выражающая убеждение Канта в едином основании человеческого познания, в определенной степени уточняет подход Локка, настаивавшего на необходимой связи идей и слов.

В конце XIX в. намечается кардинальная смена парадигм, определяющих направленность логических исследований. Теоретики все больше рассматривают язык в качестве прежде всего знаковой системы, противопоставляя формальную сторону устройства этой системы содержанию мыслительных процессов, которые язык опосредует. Ч. Пирс и Ф. де Соссюр почти одновременно выдвигают идею о создании особой науки о знаках — семиотики (как назвал ее Пирс) или семиологии (в соответствии с определением, предложенным де Соссюром). Для контекста логики преимущественное значение имеет концепция Пирса, видевшего в семиотике некую «алгебру отношений», тогда как де Соссюр старался рассматривать науку о знаках в рамках психологического подхода. Ч. Пирс видел суть логики «в определении канонических средств выражения, значения которых регулировались бы неизменными правилами»¹³. С его точки зрения, логика представляет собой средство исследования знаков, и для эффективного применения этого средства он разработал систему классификации разных видов знаков. Ч. Моррис, развивавший идеи Пирса, предложил разделить науку о знаках на три основных раздела: **синтактику** (изучающую отношение между знаками), **семантику** (анализирующую отношения между знаками и обозначаемой ими предметной областью) и **прагматику** (в рамках которой исследуются отношения между знаками и их пользователями). Такое разделение во многом определило пути дальнейшего развития логики.

Долгое время именно синтактика, связанная с анализом устройства знаковых структур, считалась главным направлением логических исследований. Изучение того, как организованы знаковые системы, какие отношения между составляющими их элементами можно выявить, как осуществляется переход от одних структур к другим — все это принесло богатые плоды и существенно способствовало превращению логики в формализованную дисциплину, построенную по образцу математики. Однако рано или поздно стало ясно, что полностью свести все виды человеческого рассуждения к абсолютно формализованным схемам вряд ли возможно. Оказалось, что достаточно содержательно богатые фрагменты знаний базируются не только на явно представленных постулатах, но и на определенных соглашениях, не выраженных явным образом. Интерес логиков смещался в направлении семантического анализа всевозможных форм рассуждения, реально выражающих интеллектуальную деятельность людей. Потребовалось соотносить знаки с какими-то внеязыковыми сущностями, на которые знаки указывают тем или иным образом. Так возникала одна из основных проблем семантики.

Когда-то английский логик Дж. Ст. Милль утверждал, что имена лишь называют нечто, но не обязательно указывают на существование этого нечто. Вопреки такому взгляду логики XX столетия исходили из убеждения в том, что употребление имени

¹³ Пирс Ч. Рассуждение о логике вещей. М., 2005. С. 151.

обязательно должно пониматься в качестве утверждения существования носителя этого имени (что во многом воспроизводило идеи Локка). Однако само слово «существование» не обязательно понималось в качестве указания на онтологическую природу интересующих человека объектов. Рассуждение в первую очередь было направлено на анализ самой мыслительной деятельности, не связанной с субъективной реальностью отдельно взятых индивидов. Наиболее явно эта тенденция проявилась в работах Г. Фреге рубежа XIX и XX столетий и повлиявших на многие исследовательские программы, составившие содержание логики XX в. Фреге исходил из убеждения в том, что логика не должна базироваться на психологических идеях. С его точки зрения, человек получает знания о мире не с помощью чувственных восприятий, а посредством мыслительных действий, которые у разных людей осуществляются сходным образом. Поэтому он резко противопоставлял «внутренний образ» объекта и «мысль о нем». По его мнению, мысль не связана с субъективным переживанием, поскольку представляет собой результат интеллектуальной деятельности, обладающий объективным характером. С этой точки зрения человек является носителем лишь мышления (процесса), а не мысли (результата). Теорема Пифагора, утверждал он, истинна, независимо от наличия кого-то, признающего ее истинность¹⁴. В связи с этим им вводится ряд ступеней становления мысли:

- формулирование мысли (мышление);
- констатация истинности этой мысли (суждение);
- выражение этого суждения (утверждение).

Поскольку в другой своей работе Фреге характеризует суждение как «переход от мысли к ее истинностному значению»¹⁵, постольку можно интерпретировать его «суждение» как, скорее, *рассуждение*. Во всяком случае, он специально подчеркивает, что логика направлена на познание законов истинности, а не законов мышления. То есть для него важен не процесс производства объективной мысли, а возможность определить истинностное значение предложений, выражающих ее. Сами предложения Фреге считал именами, указывающими на существование каких-то объектов, поэтому он ввел особое понятие «смысл», под которым предложил понимать *способ указания на эти объекты*. Разделение «значения» предложений и их «смысла» должно, по его мнению, способствовать прояснению контекстов употребления предложений, используемых в естественном языке. Фреге полагал, что с помощью его метода можно будет выявить инвариантное содержание множества различных представлений, т. е. «мысль» как объективное знание. Учитывая возможность возникновения разных контекстов, связанных с человеческими рассуждениями, он предложил различать «прямые контексты», в которых используются «предложения-имена», и косвенные, объектом которых являются другие предложения, т. е. «имена имен»¹⁶.

Идеи Фреге обусловили интерес логиков к таким проблемам, как «референция», «истинность», «обоснование», на долгое время определившим главные темы логического анализа. На первый план все более выдвигался не столько вопрос об устройстве

¹⁴ См.: Фреге Г. Мысль: логическое исследование // Философия, логика, язык. М., 1987. С. 34.

¹⁵ Фреге Г. Избранные работы. М., 1997. С. 34.

¹⁶ Там же. С. 28.

языковых выражений, сколько вопрос о том, каково их значение. Младший современник Фреге Б. Рассел, развивая эту проблематику наряду с Дж. Муром, А.Н. Уайтхедом и другими, во многом повлиял на становление целого направления в сфере логических исследований, получившего название «аналитическая философия». Важной характеристикой нового направления является то, что наиболее существенные результаты в логике этого времени (рубеж XIX и XX столетий) были связаны со стремлением многих исследователей решать и семантические проблемы посредством их формализации. Особенно явно подобная тенденция проявилась в работах представителей так называемого Венского кружка и Львовско-варшавской логической школы. Авторы, входившие в состав этих исследовательских групп, считали, что главной задачей философии является очищение научного знания от всевозможных неопределенностей, обусловленных связью коммуникации в науке с обыденными формами естественного языка.

С этой точки зрения действительное содержание любой научной проблемы можно выявить лишь представив ее в формализованном виде. Логика должна достаточно четко определять нормы, в соответствии с которыми и организуется язык науки. Весь контекст познания этого периода обусловил ориентацию логиков на образцы математического рассуждения. Поэтому представители Венского кружка намеревались создать некий универсальный язык науки, построенный по этим образцам и обеспечивающий надежное понимание учеными смысла и значения результатов своих исследований, которыми они обмениваются. Б. Рассел утверждал, что анализ используемых людьми предложений сводится к установлению синтаксических отношений между ними. Их истинность или ложность «вытекает из истины или лжи определенных других предложений»¹⁷. Хотя он не отрицал необходимости обращаться к эмпирическому опыту для верификации предложений, однако сам процесс верификации трактовал как интеллектуальную процедуру¹⁸.

Одним из наиболее последовательных сторонников формализации семантики был участник Венского кружка Р. Карнап. Следуя во многом методу Фреге, он одновременно старался критически осмыслить его программу. В частности, он считал, что подход Фреге не обеспечивает однозначного различения смыслов употребляемых предложений и затрудняет определение их тождественности. С его точки зрения концепция Фреге допускает бесконечное число имен объектов, что не ведет к получению точного знания¹⁹. Карнап надеялся построить такой формализованный язык, в котором структурно одинаковые предложения всегда имели бы один и тот же смысл и не зависели от контекста. Для этого он заменил понятия «значение» и «смысл», введенные Фреге, терминами «экстенционал» и «интенционал». При этом он различал случаи, где внимание было направлено на предикаторы, входящие в структуру предложения, от случаев, при которых оценивались значение и смысл самих предложений. В первом случае экстенционалом является класс каких-то объектов, а интенционал представляет свойства элементов этого класса, тогда как для предложений интенционал — выражаемое им

¹⁷ Рассел Б. Человеческое познание. Киев, 1997. С. 133.

¹⁸ Там же. С. 478–479.

¹⁹ Карнап Р. Значение и необходимость. М., 1959. С. 195, 202.

суждение, а экстенционал — истинностное значение этого суждения²⁰. Поскольку семантика для Карнапа сводится к изучению языковых систем, «задаваемых с помощью их правил»²¹, постольку его подход представляет собой максимально полное выражение «аналитической парадигмы», направляющей на изучение «идеальных вербальных структур», посредством которых мышление представлено вовне.

Сходную позицию занимали и представители Львовско-варшавской школы, также видевшие задачу философии и логики в устранении всевозможных неточностей и двусмысленностей, проникающих в языки науки из практики обыденной коммуникации. Один из представителей этого направления утверждал, что естественные языки не являются языком в точном значении этого слова. Значения и смыслы слов и предложений, составляющих содержание естественного языка, слишком сильно зависят от условий его употребления и потому неустойчивы и неопределенны²². Это ведет к смешению имен, обозначающих внешний мир, воспринимаемый человеком, и имен, представляющих субъективно-внутренние состояния людей в процессах такого восприятия. В результате при описании вещественного мира люди приписывают его объектам свойства, характеризующие на самом деле чувственное восприятие ими этих объектов, а не их действительные свойства. Мы говорим, например, «трава зеленая», хотя в природной реальности нет цветности в нашем понимании. К тому же в распоряжении ученых нет достаточно точных способов и средств, позволяющих фиксировать внутренние субъективные переживания и оценивать степень их истинности²³.

В середине XX столетия сторонники чисто формального подхода к анализу языковых выражений стали осознавать чрезмерную абстрактность используемых ими методов. Аналитический подход постепенно уступал место подходу функциональному. Формализованные модели не давали возможности выявить все смыслы, связанные с употреблением различных языковых средств. Такие смыслы, как становилось понятным, чаще всего обусловлены конкретными условиями и целями межчеловеческого общения. Одним из первых это осознал Л. Витгенштейн, который начинал свою творческую деятельность в качестве автора, идейно близкого основным положениям аналитической философии, но затем резко изменивший направленность своих интересов. Его «Логико-философский трактат» во многом определил ориентированность исследовательских поисков представителей логического эмпиризма. Однако во второй половине своего творчества Витгенштейн отказался от многих положений своего трактата, перейдя к рассмотрению языковой деятельности как своеобразной «игры». В этот период он разрабатывает взгляд на язык как на средство межчеловеческой коммуникации, т. е. аналитическую традицию заменяет функциональной. Витгенштейн понимал, что хотя языковые игры определяются какими-то правилами, такие правила не могут быть универсальными, заданными раз и навсегда. В соответствии с такой точкой зрения он стал утверждать, что «говорение на языке» представляет собой ком-

²⁰ Там же. С. 52, 63.

²¹ Там же. С. 334.

²² См.: Айдукевич К. Язык и смысл // Философия и логика Львовско-варшавской школы. М., 1999. С. 324.

²³ Там же. С. 325.

понент человеческой деятельности и что предложение обретает свой смысл только в конкретной ситуации его употребления, что референтной основой взаимопонимания людей является их совместное поведение²⁴.

Во второй половине XX в. семантические программы, не теряя своей значимости, в какой-то мере в еще большей степени стали дополняться идеями, составляющими содержание логической прагматики. Хотя считается, что сам термин «прагматика» в практику логических исследований ввел Ч. Моррис, наиболее активно этот раздел семиотики стал развиваться именно в последнее время. Толчком послужили лекции английского логика Дж. Остина, прочитанные в 1955 г. в Гарвардском университете. В 1962 г. он опубликовал книгу с «говорящим» названием: «Слово как действие». Остин, критически оценивая традиционный взгляд на язык как инструмент «описания некоторого положения дел в мире», предлагает рассматривать речевой акт как действие, *изменяющее существующее положение*. С точки зрения такого подхода оценка истинностного значения высказываний не обеспечивает достаточного полного понимания связанных с ним смыслов. Остин вводит такую характеристику выражений языка, как их «сила выражения», видя в ней указание на то, «как следует это выражение воспринимать». Для него важно учитывать то обстоятельство, что произнесение какого-то предложения налагает определенные обязательства как на говорящего, так и на его слушателей²⁵.

Эти идеи легли в основу новой исследовательской программы, объединяющей семантику с прагматикой. Она получила название «теория речевых актов» (в литературе используется аббревиатура ТРА). Авторы, разрабатывающие эту программу, считают необходимым детально анализировать условия, в которых осуществляются конкретные коммуникативные действия, выявлять цели и ожидания того, кто передает некоторое сообщение, а также установки, определяющие восприятие этого сообщения теми, кому оно предназначено. Логический аспект теории речевых актов проявляется в стремлении исследователей установить какие-то правила, явным образом регулирующие процессы межличностного общения. Такие правила можно хотя бы отчасти представить в формализованном виде, что обеспечит возможность применения логических методов для анализа их значения и эффективности. Один из последователей Остина, предложивший свой вариант теории речевых актов, обосновал положение о том, что реальная семантика языка определяется системой «конституирующих» правил и выделил два типа таких правил. Одну группу он характеризует как «этикетную». В нее входят некие достаточно универсальные правила, существовавшие до коммуникативных действий. Содержание другой группы составляют правила, возникающие в процессе действий и порождающие новые формы человеческого поведения²⁶.

Важный логический аспект прагматики обусловлен стремлением разных авторов выявить в речевых действиях особые типы связей между произносимыми пред-

²⁴ Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I. М., 1994. С. 90, 164, 324 и др.

²⁵ Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986. С. 70–86.

²⁶ Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986. С. 153–155.

ложениями. Такие связи аналогичны процедурам следования, но не могут выявляться в рамках чисто семантического подхода. Действительно, в реальных актах межчеловеческой коммуникации часто произнесение одних предложений влечет (хотя и не прямо) активизацию смысла других, не выраженных явным образом. Например, фраза «здесь холодно» может быть понята как просьба или требование закрыть окно. Подобные смысловые связи в рамках чисто семантического анализа выявить не удастся. Их можно рассматривать в качестве некоторого «скрытого указания». И задача логической прагматики заключается как раз в том, чтобы выявлять класс возможных следствий, «вытекающих из каждого данного предложения»²⁷. Внимание современной логики не столько к зафиксированному положению дел в каком-то мире, сколько к описанию возможных его состояний оказывается той границей, которая разделяет логику классическую и неклассическую²⁸. И речь идет не только о гипотетических последствиях осуществления какого-то речевого действия, но и о возможных предпосылках, порождающих это действие. Предпосылках, наличие которых часто лишь предполагается, но которые, тем не менее, влияют на оценку значения и эффективности реальных коммуникативных актов, связанных с ними. Такой специфический вид семантического следования конкретизируется с помощью понятия «пресуппозиция». Она представляет собой не произносимое явным образом предложение, сложным образом влияющее на истинностное значение реально осуществляемых речевых действий, как-то связанных с ним. Например, фраза «Стоящий у окна — это мой брат» может быть истинной или ложной только в том случае, когда истинно предполагаемое, но не произнесенное предложение «у окна кто-то стоит». В случае ложности этого предложения утверждение о стоящем у окна брате будет оцениваться как неопределенное или «бессмысленное». Наличие пресуппозиции задает рамки речевого поведения людей²⁹.

Исследования, осуществляемые в рамках логической прагматики, дают возможность устанавливать степень зависимости реально осуществляемых коммуникативных действий от множества скрытых условий и предпосылок. Это способствует более точной оценке логического значения и практической эффективности языковых средств, используемых в различных формах межчеловеческого общения. Произносимые слова и предложения могут быть действительно поняты лишь в контексте определенных ситуаций, в которых они реализуются. Содержательная интерпретация знаков предполагает не только понимание того, что с их помощью обозначается, но и установление цели того, кто эти знаки использует в каждом конкретном случае. Поэтому логико-прагматический анализ коммуникативных ситуаций сегодня становится важной темой современных логических исследований.

Одной из работ, связанных с обсуждением роли «ситуационной семантики» в познавательных процессах является статья Дж. Барвайса и Дж. Перри³⁰. Авторы статьи

²⁷ Гордон Д., Лакофф Дж. Постулаты речевого общения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1985. С. 277.

²⁸ См., напр.: Герасимова И. А. Классическая и неклассическая логики: возможность и границы применимости // Эпистемология и философия науки. Т. VIII. М., 2006. С. 205.

²⁹ Столнейкер Р. С. Прагматика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1985. С. 427.

³⁰ Барвайс Дж., Перри Дж. Ситуации и установки // Философия, логика, язык. М., 1987.

предпринимают попытку определить некоторые инвариантные характеристики ситуаций, и представить их посредством определенных языковых «клише». Под «ситуацией» эти авторы имеют в виду комплекс условий, определяющих способы употребления каких-то конкретных слов и выражений. Барвайс и Перри обращают внимание на то, что эти языковые средства могут интерпретироваться различным образом тем, кто их произносит, и тем, кто является их адресатом³¹. Для уменьшения «разброса» в способах взаимопонимания людей они и предлагают ввести некие «структурные ограничения» на языковые конструкции, используемые в описаниях различных ситуаций. Эти ограничения, по их мнению, позволят определить характеристики, присутствующие в любых описаниях. Сами они характеризуют разрабатываемый ими подход как систему переходов от одного уровня рассуждений к другому. «Мы начали с реализма в отношении ситуаций в мире, были вынуждены стать реалистами в отношении объектов, свойств, отношений, локусов. Это подтолкнуло нас к реализму в отношении познавательных состояний и действий». Таким утверждением они завершают свою работу³².

В определенном смысле связь выделенных авторами уровней предпринятого анализа характеризует и всю магистральную направленность исследовательского поиска современной логики.

* * *

Детальное рассмотрение всех поворотов логической мысли требует гораздо большего объема текста. Поэтому здесь представлен лишь конспективный обзор идей и направлений, наиболее явно выражающих путь, который проходит логика. Но и такой обзор позволяет выделить основные парадигмы логического познания, определяющие его характер на разных этапах развития логики.

1. Первые идеи логического анализа, различимые в древних системах философии, были обусловлены стремлением выявить устойчивые формы успешного рассуждения.

2. Попытки решить эту задачу привели к пониманию логики как науки, направленной на анализ языковых структур, в которых рассуждение было представлено.

3. Поскольку обнаружилась существенная неопределенность естественных языков, посредством которых осуществлялись интеллектуальные действия и транслировались получаемые результаты, постольку логики предпринимали попытки создать некий «универсальный» язык, из которого удалены всевозможные семантические неопределенности, обусловленные вхождением в «живые языки» различного рода неявных допущений и предпосылок.

4. В результате стала осознаваться ситуационная зависимость разных вариантов языка, используемых в реальной практике межчеловеческой коммуникации от комплекса условий, задающих контекст коммуникации. С таким пониманием языковой практики связано и широкое распространение идеи «возможных миров», различные аспекты которой составляют существенное содержание современных логических теорий.

³¹ Там же. С. 267.

³² Там же. С. 292.